

Шерцль Викентий Иванович

**Названия цветов и
символическое значение их**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 78
ББК 85.31
В43

В43 **Викентий Иванович Ш.**
Названия цветов и символическое значение их / Шерцль Викентий Иванович –
М.: Книга по Требованию, 2022. – 72 с.

ISBN 978-5-521-31045-6

ISBN 978-5-521-31045-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

свелъ къ слѣдующимъ тезисамъ: 1) въ первомъ періодѣ своего развитія способность распознавать цвѣта ограничивается воспримчивостью для одного только краснаго цвѣта; 2) въ слѣдующемъ затѣмъ фазисѣ развитія этой способности воспримчивость для краснаго и желтаго цвѣта совершенно отдѣляется отъ воспримчивости для свѣтлаго цвѣта, съ которою до тѣхъ поръ была соединена и пріобрѣтаетъ характеръ самостоятельнаго ощущенія; 3) въ дальнѣйшемъ развитіи проявляется воспримчивость для цвѣтовъ средней свѣтовой силы, для различныхъ оттѣнковъ зеленаго цвѣта, особенно же распознаваніе свѣтлозеленаго цвѣта развивается изъ представленія желтаго; 4) способность ощущенія слабыхъ по своему оптическому эффекту цвѣтовъ: синяго и фіолетоваго, проявляется позже всего, отдѣляясь весьма медленно отъ представленія темнаго цвѣта. Такимъ образомъ способность распознавать цвѣта начинается въ своемъ развитіи съ свѣтлѣйшихъ цвѣтовъ и, строго придерживаясь постепеннаго, свѣтоваго ослабленія спектральныхъ цвѣтовъ, простирается на зеленый и синій цвѣтъ и доходитъ, наконецъ, до фіолетоваго.

Эти заключенія въ общемъ выводѣ вѣрны, насколько относятся къ словесному обозначенію цвѣтовъ не только въ индоевропейской, но и въ другихъ отрасляхъ, какъ видно изъ провѣрки соотвѣтствующихъ словъ въ языкахъ некультурныхъ, но они никоимъ образомъ не могутъ служить какимъ нибудь доказательствомъ недостаточной перцепціи цвѣтовъ у даннаго народа. Нелогичный пріемъ считать развитіе и употребленіе примыкающихъ сюда словъ мѣриломъ точности и высоты физиологической перцепціи извѣстнаго органа чувствъ неминуемо ведетъ къ разнымъ невѣроятнымъ и даже нелѣпымъ выводамъ. Такъ напр. многіе полагали, что терминологія цвѣтовъ у Гомера поразительно сходна съ терминологіей человѣка, страдающаго въ извѣстномъ объемѣ ахроматопсією, т. е. не умѣющаго различать цвѣтовъ и утверждали, что или авторъ гомерійскихъ пѣсней или всѣ его современники крайне недостаточно распознавали цвѣта (Pole, Colour-blindness in relation to the homeric expressions for colour, Nature 1878, 676); и Магнусъ, руководясь

лингвистическими данными, приходит къ поразительному выводу, что Греки въ эпоху Гомера и даже современники Пифагора и Ксенофана, жившихъ въ VI столѣтіи до Р. Хр., вовсе не отличали зеленого цвѣта отъ синяго. Господство такихъ ошибочныхъ мнѣній о настоящемъ значеніи названій цвѣтовъ было, однако, весьма непродолжительно. Магнусъ самъ, при своихъ дальнѣйшихъ, болѣе обширныхъ и болѣе основательныхъ изслѣдованіяхъ и наблюденіяхъ, убѣдился въ полной несостоятельности и ошибочности высказанныхъ имъ прежде мнѣній и отказался отъ нихъ въ своемъ трудѣ: *Untersuchungen über den Farbensinn der Naturvölker*, Jena 1880. Еще два года до появленія этого сочиненія Рихардъ Андре опровергнулъ упомянутые выше выводы въ своей статьѣ „*Über den Farbensinn der Naturvölker*“ (*Zeitschr. f. Ethnol.* 1878, 323 и слѣд.), хотя и онъ въ заключеніи высказалъ предположеніе, что многочисленныя народы во всѣхъ почти частяхъ свѣта, у которыхъ извѣстныя средніе цвѣта, особенно зеленый и синій, обозначаются посредствомъ одного и того же слова, по всей вѣроятности дѣйствительно не распознаютъ этихъ цвѣтовъ, принимая ихъ въ своей перцепціи за одинъ и тотъ же цвѣтъ. Несостоятельность и этого мнѣнія доказали наблюденія Вирхова, Гильдебрандта, Нахтигала, Кирхгоффа и др., о которыхъ будетъ упомянуто ниже; много содѣйствовали разъясненію упомянутыхъ здѣсь вопросовъ изслѣдованія Лѣва (*Sitzungsber. d. Münchener anthropol. Ges.* v. 22. Juni 1878), Рабл-Рюккарда (*Zur hist. Entwicklung des Farbensinns*, *Zeitschr. f. Ethnologie* XII, 210 — 221), Делицша (*Der Talmud und. die Farben*, Nord und Süd 1878, Maiheft), Лазаруса (*Zeitschr. f. Ethnol.* XII), Марты (*Die Frage nach der geschichtlichen Entwicklung des Farbensinns*, Wien 1879), Гранта-Аллена (*Der Farbensinn, sein Ursprung und seine Entwicklung*, Deutsche Ausgabe, Leipzig 1880), Гарчета (*Adjectives of color in Indian languages—The American Naturalist* 1879, Aug. 476 и слѣд.—въ нѣм. перев. въ *Zeitschr. f. Ethnol.* XI, Heft. 4—5) и др. За положительный результатъ сдѣланныхъ до сихъ поръ критическихъ изслѣдо-

ваній и наблюденій можемъ признать фактъ, что недостаточность и сбивчивость обозначенія цвѣтовъ въ языкахъ не даетъ намъ еще никакого права предполагать соответствующую недостаточность перцепціи цвѣтовъ у самого народа; есть еще много другихъ перцепцій и ощущеній, которыя какъ примитивныя, такъ и современные культурные народы не имѣютъ средствъ выразить на словахъ, но которыя они тѣмъ не менѣе совершенно отчетливо и сознательно отличаютъ другъ отъ друга въ дѣйствительности.

Статью свою, составленную на основаніи возможно-полнаго матеріала, я раздѣлилъ на двѣ части, изъ которыхъ первая представляетъ фактическую сторону разбираемаго здѣсь вопроса и главныя данныя, относящіяся къ названіямъ цвѣтовъ въ разнородныхъ языкахъ, тогда какъ вторая излагаетъ тѣ соображенія и выводы, которые опредѣляютъ степень болѣе или менѣе тѣсной причинной связи между названіями цвѣтовъ и фактической ихъ перцепціей.

І. ОБОЗНАЧЕНІЕ СЛОВА ЦВѢТЬ КАКЪ АБСТРАКТНАГО ПОНЯТІЯ.

Въ большинствѣ языковъ некультурныхъ народовъ не оказывается словъ, выражающихъ цвѣтъ какъ отвлеченное понятіе, что въ свою очередь состоитъ въ тѣсной связи съ недостаткомъ абстрактныхъ словъ въ такихъ языкахъ вообще. При поразительномъ изобиліи самыхъ конкретныхъ словъ, при множествѣ выраженій, изображающихъ нерѣдко мельчайшіе оттѣнки конкретныхъ дѣйствій или представлений, эти языки въ большинствѣ случаевъ отличаются окончательнымъ недостаткомъ отвлеченныхъ выраженій. Такъ, австралійскіе языки весьма богаты словами, выражающими чувственныя впечатлѣнія и созерцанія, но словъ абстрактныхъ въ нихъ вовсе нѣтъ (Fr. Müller, *Allgem. Ethnogr.* 187); бразильскіе туземцы не имѣютъ никакихъ словъ для обозначенія понятій „цвѣтъ, духъ, воздухъ, родъ, способъ“ и пр. (Caspari, *Urgeschichte der Menschheit* I, 335); понятіе „свѣтъ“ они обыкновенно изображаютъ тѣмъ, что днемъ указываютъ на солнце, а ночью на огонь; никакихъ

абстрактныхъ словъ не оказывается въ языкѣ обитателей Огненной земли, въ парѣяхъ веддаховъ, незначительнаго остатка коренныхъ жителей Цейлона (Valentyu, Oud en Nieuw Oost-Indien 208), въ языкѣ африканскаго племени Ньямнѣмортъ (Schweinfurth, Ausland 1874, 742), въ большинствѣ языковъ нигритскихъ, американскихъ, папуанскихъ и др. Какъ многіе американскіе языки въ извѣстныхъ категоріяхъ словъ не могутъ отдѣлить предметъ владѣнія отъ владѣльца („моя шляпа“, „твоя шляпа“ и пр. но слово „шляпа“ само по себѣ не употребительно), какъ въ другихъ языкахъ названія ближайшихъ родственниковъ употребляются только въ связи съ притяжательными мѣстоименіями (напр. въ могеганскомъ языкѣ: „мой отецъ“, „ей отецъ“ „вашъ отецъ“ и пр., но слово „отецъ“ само по себѣ было бы непонятно), такъ для многихъ народовъ отдѣленіе цвѣта, какъ внѣшней примѣты, отъ того предмета, съ которымъ цвѣтъ соединенъ, было весьма затруднительно или просто невозможно. Оттого они соединяли понятіе цвѣта съ другими, болѣе удобными и болѣе осязательными представленіями; такимъ образомъ цвѣтъ нерѣдко соединяли или отождествляли съ представленіемъ поверхности предмета или съ его формой и внѣшнимъ видомъ вообще. Такъ, въ африканскомъ языкѣ Оджи (или Чи) *an* означаетъ поверхность и цвѣтъ, въ языкѣ племени Гантъ: *su*—видъ, свойство, цвѣтъ, баттійск. *gura*—видъ, форма, цвѣтъ; это слово взято изъ древнесиндійскаго языка, въ которомъ *gūra* означаетъ видъ, наружность, но также цвѣтъ (особ. во множ. ч.), ср. *divi rūpam āsaḡat* далъ небу его цвѣтъ RV. X, 124, 7; *catvāri śakṣuṣo rūpāni dve śukle dve kṛṣṇe* четыре цвѣта глаза, два бѣлыхъ, два черныхъ Tāitt. S. V, 3, 1, 4; о коняхъ, везущихъ Брхаепати, говорится, что они: *paḥho na rūpam aḡuṣam vaśālāḥ* „какъ небо одѣты въ красный цвѣтъ“ RV. VII, 97, 6. Большинство арабскихъ племенъ подъ словами *lun*, *šikk* подразумѣваютъ не только цвѣтъ, но также видъ, наружность; кафрскія племена называютъ цвѣтъ *ibala* „пятно“, но подразумѣваютъ подъ этимъ словомъ скорѣе разнообразныя рисунки на кожѣ рогатаго скота. Герерцы, занимающіеся скотовод-

ствомъ, употребляютъ для обозначенія цвѣта слово съ подобными значеніями: *evaga* (черта, пятно, цвѣтъ) и *ot'ivaga*, происходящее отъ *akivaga* „считать скотъ“; такимъ образомъ понятія цвѣтъ и счетъ у нихъ совпадаютъ, такъ какъ по цвѣту кожи они узнаютъ, принадлежатъ ли скотъ имъ самимъ или другимъ.

Въ турко-татарскихъ языкахъ цвѣтъ принимается за „покрывъ“ или за „оболочку“: уйгурск. *üng*, джагатайск. *öng*, якутск. *öu* (*öng*), *ing* „цвѣтъ“ означаютъ собственно одежду, оболочку, внѣшнюю сторону; другое слово означающее цвѣтъ: джагатайск. *bojak*, турецк. *boja*, уйгурск. *botak* означаетъ по своей этимологіи „обмазку, мазъ“, происходя отъ *boj*, *bok* „нечистота, грязь“ (Вамбери сравниваетъ съ нимъ венгерск. *fos* нечистота, пометъ, *fös-teni* красить, мазать; турецк. *kir* грязь, джагат. *kiriş* внѣшность, цвѣтъ); въ этой отрасли встрѣчаемъ такимъ образомъ различіе между естественными и искусственными цвѣтами (*Vámbéry, Primitive Cultur d. turko-tat. Volkes* 225).

Каматскіе индійцы не имѣютъ никакого слова для обозначенія цвѣта, но употребляютъ особое выраженіе для красильнаго вещества: *şneluaş*, означающее также пятно, каплюшку (*Gatschet, Zeitschr. f. Ethnol.* XI, 294); и въ дакотскомъ языкѣ нѣтъ слова для цвѣта, хотя употребляютъ глаголъ *owa* въ значеніяхъ „мазать, красить, писать“.

Иногда цвѣтъ отождествляется съ особенно характернымъ предметомъ, на которомъ онъ находится: такъ мадекасск. *volo* (=малайск. *bûlû*) означаетъ собственно волосы, но употребляется въ переносномъ смыслѣ также для обозначенія цвѣта; подобнымъ образомъ финское *karva* цвѣтъ, значитъ собственно „волосы“ (едвали это слово заимствовано изъ нѣм. *farbe*, какъ напр. латышск. *kvarba*—ср. впрочемъ *Ahlqvist, Kulturwörter der westfinn. Sprachen* 91). Индоевропейцы нерѣдко соединяютъ съ цвѣткомъ понятіе цвѣта: русск. цвѣтъ (состоящее въ этимологической связи съ свѣтъ) = греч. *ἄνθος* (цвѣтокъ, цвѣтъ), которое въ свою очередь сопоставляется съ др.инд. *andhas*, часто означающимъ сокъ сомы; гельск. *blàth* соединяетъ въ себѣ также оба значенія (цвѣтъ, цвѣтокъ) и

латинск. *flos* (цвѣтокъ) иногда по значенію сближается съ цвѣтомъ: *flos flammae* (блескъ пламени), *flos vini* (верхняя, лучшая часть—греч. *ἄθος οἴνου*). Гельск. *neul* (цвѣтъ) значитъ собственно облако, англо-саксонск. *vliete* (др.сакс. *blī*)=блескъ, лицо, цвѣтъ, ирландск. *blachd*=земля, одежда, цвѣтъ. Отъ понятія глэзи, мази происходитъ названіе цвѣта въ нѣкоторыхъ славянскихъ языкахъ: ст.слав. масть (жиръ, мазь, цвѣтъ—кор. маз=др.инд. *maḡḡ* погружаться), русск. масть, сербск. маст. Греч. *χρῶς* и *χρῶμα* означаютъ собственно кожу, поверхность тѣла, и затѣмъ цвѣтъ, тогда какъ др.инд. *rāga* (цвѣтъ, особ. красный, краска), происходя отъ корня *rag* „краснѣть“, примыкаетъ къ *lag* „лгнуть, приставать“. Изъ нѣкоторыхъ словахъ значеніе цвѣта произошло отъ основнаго „покрывать, скрывать“: лат. *color* цвѣтъ—ср. *occulo* и *cel-o* (скрываю—латышск. *klā-t* покрывать, покрывать—Pott, *Wurzelwörterb.* II, 1, 193), др.инд. *varṇa* цвѣтъ—отъ глаг. корня *var* (покрывать); сюда же относятся: лат. *varus* пятно, прыщъ на лицѣ, *varius* разноцвѣтный, пестрый и др.в.нѣм. *farauua* (цвѣтъ), нѣм. *farbe*.

II. ОБРАЗОВАНИЕ СЛОВЪ, ОЗНАЧАЮЩИХЪ ОТДѢЛЬНЫЕ ЦВѢТА.

Во всѣхъ словахъ примитивнаго образованія, означающихъ отдѣльные цвѣта, проглядываетъ конкретная подкладка. Какъ цвѣта часто отождествляются съ наружностью предметовъ, съ внѣшнимъ ихъ видомъ, съ ихъ поверхностью, какъ глухонѣмые изображаютъ цвѣта чаще всего черезъ тѣ предметы, на которыхъ они правильно встрѣчаются, такъ и въ языкахъ названія цвѣтовъ несмыа часто заимствуются отъ тѣхъ предметовъ, на которыхъ обыкновенно замѣчаются. Такъ, красный цвѣтъ часто беретъ свое названіе отъ крови, зеленый отъ травы, синій отъ неба, черный отъ угля; всѣ названія цвѣтовъ, встрѣчающіеся въ туркотатарскихъ языкахъ заимствованы отъ природы и фигурируютъ въ качествѣ простыхъ прилагательныхъ извѣстныхъ элементарныхъ понятій: красный цвѣтъ взятъ отъ огня, синій отъ воды, зеленый отъ растительности (*Vámbéry, Primitive Cultur d. turkotat.*

Volkes 226). Немало словъ, означающихъ цвѣта, взято также отъ животныхъ, равно какъ на оборотъ многія животныя получили свое названіе отъ своего характернаго цвѣта, ср. русск. желна, рябчикъ, синица, бѣлка, бѣлуга, русакъ, сизякъ, сивучъ, мѣдвянка, пеструшка, др. инд. *hari* (левъ) „желтый“, *piṣa* (лани) „пестрая“, *śjēna* (соколъ) „бѣлый, бѣловатый“, *śuka* (попугай) „блестящій“, *ṛṛṣṇi* (корова) „пѣгая“, греч. *γλαῦξ* (сова) „сѣрая, голубая“ (т. е. съ голубыми, сѣрыми глазами—*γλαυκός* голубой), *πέλεια* (голубь) „сѣрый“ (*πελῖος*, *πολῖος* сѣрый), *ποικιλίς* (щеголь) „пестрый“, *χιλλός* (оселъ) „сѣрый“ (*χιλλός* сѣрый), еврейск. *šamôr* (оселъ) „рыжій“, арабск. *waḡḡā* (волчица, голубка) „сѣрая“ и пр. Къ позднѣйшему сравнительно періоду относится образованіе названій цвѣтовъ отъ глаголь. корней, означающихъ преимущественно понятія „блестѣть, сверкать, горѣть, жечь“, отъ которыхъ въ индоевропейскихъ языкахъ происходятъ слова, означающія бѣлый, красный и желтый цвѣтъ. Для характеристики образованія словъ, означающихъ цвѣта, приведу нѣсколько примѣровъ.

1. Названія краснаго цвѣта и крови находятся часто въ этимологической связи; такъ, др. инд. *rudhira* означаетъ кровь, а *rohita*—красный (и *rudhira* встрѣчается въ значеніи „имѣющій кровавый цвѣтъ, красный“: *agne rudhiram piśācam. gāhi o, Agni, ubey krasnago kakṣ krovь demona AV. V, 29, 10*); къ *rudh*—примыкаютъ: греч. *ῥοδρός*, лат. *ruber, rubeus, rufus, rutilus*, англосакс. *read*, др. в. нѣм. *rôt*, нордск. *riðdha*, литовск. *rudas, rudiš, raudónas* (красный), *raudà* (красный цвѣтъ), ст. сл. *ръдѣти сѧ, рыждѣ* (русс. *руда*=кровь, *рдѣть, рыжій*). Средне-нрл. *fland* значить кровь и красный; и въ малорусскомъ языкѣ „красный“ (особенно блѣднокрасный) выражается черезъ кєрвавий: *сорочка кєрвава*=красная рубашка. Въ языкѣ енисейскихъ остяковъ *sur, sùl, sjùl* означаетъ кровь, а *surbes, sùleim* красный, тхушк. *ceig* кровь—*cege* красный, камассинск. *khem* кровь *khuemü, khoemü* красный (Pott, Zeitschr. f. Völkerpsych. I, 515), въ чукскомъ языкѣ *mutlemutl* „кровь“ означаетъ также красный цвѣтъ; сюда же относятся крикск. *čúti*=

кровь, красный, алгонкинск. *miski* кровь, *misko* красный; эррубск. *matonani* „красный“ происходит от *mat* „кровь“, лакск. (казикумыцк.), *hinthin* (красный) от *hi* (кровь), венгерск. *veres* (красный) от *vér* (кровь), эстонск. *verrew* (красный) от *werri* (кровь); въ тѣсной связи состоятъ также еврейск. *dam* (кровь) и *adam* (краснѣть). Какъ египетскій миѳъ возводитъ возникновеніе вина къ крови, какъ въ Библии вино называется „кровью (т. е. сокомъ) винограда“, такъ и единственный, извѣстный Гомеру цвѣтъ вина есть красный. Въ дамарскомъ языкѣ названіе для краснаго цвѣта *ot'iserandu* взято отъ раскаленнаго желѣза, дакотск. *gigi* „красный“ означаетъ собств. ржавчину (коренное *gi* значитъ синій, сѣрый—*Riggs* 54); и въ нашихъ языкахъ ржа получаетъ свое названіе отъ краснаго цвѣта, ср. лат. *rubigo* и *ruber*, литовск. *rūdis* (ржа) и *rūdas* (темнокрасный), ст. сл. рѣжда и рѣждь, русск. ржа и рѣжій, нѣм. *rost* и *rot* и пр. Въ перуанскомъ языкѣ „красный“ перѣдко выражается черезъ „мѣдный“: такъ, лихорадка называется *anti-onkkoj* „мѣдная болѣзнь“ (намекъ на красное „мѣдное“ лицо), мѣсяць іюль зовутъ *anta-asitua* т. е. „мѣдный (огненный) смѣхъ“ и пр. Турецк. *kizil* (красный) происходитъ отъ устарѣлаго *kiz* „огонь, жаръ“, тогда какъ *al* (откуда взято русск. алы) тождественно съ *al*, *jal*=монгольск. *ghal* огонь, пламя.

Иногда красный цвѣтъ беретъ свое названіе отъ разныхъ животныхъ, такъ скр. *kapila*, *kapīṣa* (краснобурый, рыжеватый) происходитъ отъ *kapī* „обезьяна“ (мнѣніе Гейгера-Urspr. und Entw. der Sprache II, 335-, полагающаго, что наоборотъ обезьяна — *kapī* — получила свое названіе отъ цвѣта—*kapila*—противорѣчить, съ формальной точки зрѣнія, основнымъ законамъ словообразованія); итал. *vermiglio*, франц. *vermeil* происходятъ отъ *vermiculus* (червячокъ—изъ котораго добываютъ шарлаховую краску—*Diez*, *Etym. Wtb. d. roman. Spr.* I, 438) и такимъ же образомъ ст. сл. урѣкменъ (*coccineus*—русск. червонный, чешск. *červený*, польск. *czerwony*, серб. хорв. *crven*, *crljen*) происходитъ отъ урѣкъ—напротивъ урѣмынь состоятъ въ связи съ словинск. *črnelj* (*apis sil-*

vestris), émrí (fucus). Франц. ponceau (пунсовый) происходит от лат. puniceus, punicellus, восходящего въ свою очередь къ phoeniceus=φοινίκεος, и означавшаго прежде цвѣтъ рдѣющихся плодовъ финиковаго дерева; отъ этого цвѣта отличали purpureus, какъ отгѣнокъ, ближе подходящій къ черному цвѣту (Diez, Etym. Wtb.¹ 660; ср. также встрѣчающееся у Шиллера выраженіе: in purpurner finsterniss „въ пурпуровомъ мракѣ“). Австралійск. kruckrin (красный) означаетъ собственно красную глину, а мафурск. pierper (красный) значитъ „инбирный“ (pier инбирь). Употребляемое въ языкѣ племени Ган слово cugu (красный) выражаетъ собств. „зрѣлость, спѣлость“ (cu созрѣвать) и тѣ же самыя значенія совмѣщаются въ фантійск. ben (красный, зрѣлый, созрѣвать). „Созрѣвать“ нерѣдко выражается чрезъ „вариться, жечься“: такъ и др. инд. rakva „зрѣлый, спѣлый“ значитъ собственно „сваренный“ и употребляется также объ обожженныхъ предметахъ (кирпичахъ) и о сѣдыхъ („сваренныхъ, созрѣвшихъ“) волосахъ (rakvakeṣa).

Нѣкоторые слова, означающія красный цвѣтъ, основываются на коренномъ значеніи „блестѣть“, сред.-ирл. derg (красный), derg (глазъ—dercain смотрю), кельтск. derg (красный), ср.-др.-инд. darṣ (видѣть)=греч. δέρω-ομαι, др.-в.-нѣм. torht (блестящій); кельтск. earch, erch (красный) и др.-инд. arka (солнце). Такъ какъ и бѣлый цвѣтъ часто выражается черезъ понятія „блестящій, свѣтлый“ (греч. φαῖός бѣлый, ясный, свѣтлый, кельтск. ban, латышск. bāla, литовск. balta-, ст.-сл. бѣлъ, кор. bha свѣтитъ; лат. candidus бѣлый, блестящій отъ candere блистать, пылать, бѣлѣть—ср. др.-инд. śandra луна, греч. ξανθός желтый, бѣлокурый), то красный и бѣлый цвѣтъ иногда соприкасаются въ звуковомъ обозначеніи: такъ, др.-инд. śjeta=красновато-бѣлый, бѣлый, др. инд. śukra блестящій, бѣлый—зенд. śukhra красный; зенд. erezra свѣтлокрасный и erezata серебро, кимрійск. gwun значитъ бѣлый, а gwunias красный, раскаленный; отъ одного корня происходятъ лат. flavus (золотистый, желтоватый) и fulvus (рыжій, красножелтый), такъ какъ flag-râre и fulg-êre, съ кото-

рыми ихъ можно сопоставить, одинаково соответствуютъ др. индійскому *bhrā́g* (блестѣть, сверкать, сіять), греч. *φλέγ-ειν*, др. в. нѣм. *blichu* (блещу), литовск. *blizgu*, ст.-сл. *класкъ*, готск. *bairh-ts*. Чешск. *brúna* означаетъ бѣлую лошадь, но *brunát* означаетъ красный или гнѣдой цвѣтъ; и киргизы называютъ совершенно бѣлую лошадь *kysyd at*, т. е. „красная лошадь“ (*Zeitschr. f. Ethnol.* III, 302); финск. *valkea* (бѣлый) служитъ также для обозначенія свѣта и огня; суагильск. *infúo* означаетъ бѣлый песокъ на морскомъ берегу, но также пеструю полосу или разноцвѣтную линію. Иногда бѣлый цвѣтъ смѣшивается съ желтымъ: ньямньямыцы подлѣ словомъ *rušjéh* подразумѣваютъ какъ бѣлый, такъ и желтый цвѣтъ и вогулы считаютъ золото бѣлымъ металломъ, такъ какъ *sarni* означаетъ какъ золото, такъ и бѣлый цвѣтъ (*Donner, Vergl. Wtb. d. Finn. Ugr. Sprachen.* I, 191). Ртуть обыкновенно называется „бѣлою“ (особенно часто зовутъ ее „жидкимъ“ или „живымъ серебромъ“: англ. *quicksilver*, нѣм. *quecksilber*, франц. *vif-argent*, итал. *argento vivo* и др.), но въ лакскомъ языкѣ зовутъ ее *hjomu musî*, т. е. „жидкое золото“ и въ арабскомъ языкѣ она имѣетъ также метафорическое названіе *zill-uz-zahab* „тѣнь золота“. Батты на Суматрѣ называютъ небо *bon-tar* „бѣловатымъ“, бирманцы означаютъ бѣлый цвѣтъ черезъ *san šin* „открыто выложенный“ или *zin klong* „широко растянутый“.

Иногда краснота выражается цвѣтомъ голаго человѣческаго тѣла: корнійск. *pelken* значитъ „голый“ и „красный“, бирманск. *deng* означаетъ новорожденнаго ребенка и красный цвѣтъ (*Zeitschr. f. Ethnol.* I, 90). Весьма замѣчательное колебаніе встрѣчаемъ въ обозначеніи цвѣта новорожденнаго младенца у Японцевъ: *akago* (ребенокъ, младенецъ) значитъ „красный ребенокъ“, но младенецъ называется также *midorigo* т. е. „зеленаго цвѣта ребенокъ“ (*midori*=зеленый цвѣтъ) и сверхъ того, новорожденнаго называютъ еще *midzko* „воднымъ ребенкомъ“ (но подлѣ „водянымъ цвѣтомъ“ японцы разумѣютъ голубой цвѣтъ).

2. Черный цвѣтъ, въ противоположность къ бѣлому („чистому, блестящему“) нерѣдко обозначался въ общемъ